СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗА ЖИЗНИ

Возьмитель Андрей Андреевич,

доктор социологических наук,

главный научный сотрудник,

ФНИСЦ РАН,

Москва.

E-mail: Vozmitel@isras.ru

Аннотация. Актуализация проблематики образа жизни в СССР и странах Восточной Европы. Фрагментарность эмпирических исследований в силу «сферного» подхода. Попытки его преодоления. Всесоюзные исследования образа жизни Института социологии АН СССР и другие масштабные исследования, осуществленные в СССР в 80-е гг. «Исчезновение» советского образа жизни и запрос на адекватное научное понимание процесса деформации и распада, становления и укрепления образа жизни, самого этого понятия и связанных с ним категорий. Переход от структурно-функциональной к динамической, субъектно-деятельностной модели его анализа. Сегодня социология образа жизни является целостным концептуальным конструктом, проясняющим внутренние закономерности развития образа жизни, позволяющим понять как те или иные формы жизнедеятельности людей и способы социального действия начинают определять «доминантную» форму интеграции, становление модальной личности и общества современного типа.

Ключевые слова: концепция, образ, способ и стиль жизни, идентичность, ситуация.

BECOMING AND DEVELOPMENT OF THE SOCIOLOGY OF THE WAY OF LIFE

Vozmitel Andrey,

Doctor of Sociological Sciences,

Main scientific researcher,

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology

of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia.

E-mail: Vozmitel@isras.ru

Abstract. The paper describes the main factors in the research of the problems of the way of life in the USSR and in other Eastern European countries. Traditionally, such studies took place as a part of the different sociological issues such as sociology of the spare time, sociology of the family, or sociology of the education. The results of these studies were new, but they explained only partially the real way of life. The first powerful attempt to overcome this “spherical” approach were the All Union interval studies of the way of life, which were performed by the Sociological Institute of the Academy of Sciences of the USSR. The methodology of these studies were developed and the basic results published in the USSR in the 80s. The transition from a mono-cultural to a poly-cultural society, the diversification of the way of life, and the appearance of its new forms and subjects require a new concept for the study of this phenomenon. This new concept should explain the occurring changes. It should permit an accurate scientific understanding of the decomposition and the disintegration of the old way of life as well as the formation and the strengthening of a new way of life. The paper outlines the theoretical and the methodological shift of the concept of the way of life (from the structural-functional construct towards the subject-activity based one). This new concept permits a scientific analysis of the real models of human activities, which not only master the available social space, but also shape its future state. Today, the sociology of the way of life is an integrated conceptual construct, which explains the intrinsic nature of the development of the way of life. It clarifies different forms of individual's activities, which shape a

“dominant” form of integration. It also explains the appearance of the modal personality and the modern society.

Keywords: the concept, the way of life, the mode of life, the style of life; identity, situation

Проблематика образа жизни актуализировалась в СССР и странах Восточной Европы в 1970–1980-е гг. Важную роль сыграли политические факторы: переход от жесткой идеологической и правовой регламентации повседневной жизни людей в экстремальных постреволюционных ситуациях в этих странах к развитию социализма на своей собственной демократической основе, что привело к появлению многовариантных моделей образа жизни (в том числе альтернативных) и обусловило необходимость теоретического осмысления этого процесса, определения способов и методов его регулирования. При этом именно в эти годы образ жизни становится одним из основополагающих критериев оценки жизнеспособности противоположных социальных систем и, соответственно, предметом ожесточенной идеологической борьбы, что также повлияло на актуализацию рассматриваемой проблематики. Однако главное состояло в том, что, отвечая потребностям практики, анализ образа жизни открывал новые научно-практические горизонты.

Уровень анализа образа жизни – повседневная жизнь людей, по праву признаваемая рядом современных социологических концепций «высшей реальностью». Гносеологически потребность в изучении этой реальности, выступающей связующим звеном между обществом и личностью, определилась движением социального познания от абстрактного к конкретным механизмам формирования личностных, групповых и общесоциальных черт, опосредующих способы организации людьми своей жизнедеятельности.

Используя богатый познавательный потенциал образа жизни, философы, экономисты, социологи, историки пытались преодолеть господствовавшие долгое время в советской науке стереотипы объяснения механизмов социального воспроизводства. Возможно, именно это обстоятельство повлияло

на то, что изучению образа жизни на рубеже 1970–1980-х гг. прошлого века в той или иной мере отдали дань многие ведущие обществоведы. Среди них большинство представителей социологической элиты того времени: И. В. Бестужев-Лада, Л. А. Гордон, Б. А. Грушин, Т. И. Заславская, А. Г. Здравомыслов, Н. М. Римашевская., Р. В. Рывкина, М. Н. Руткевич, Л. В. Сохань, Ж. Т. Тощенко, А. Г. Харчев, В. А. Ядов.

Взросшие требования к социальному управлению побуждали принимать решения сбалансированные, комплексные, когда управление имеет в своем поле зрения не только отдельные сферы жизнедеятельности, но все ее структуры одновременно – то есть образ жизни как определенную целостность, с помощью которой можно определить реально складывающиеся, а не абстрактно-теоретические характеристики социального «лица» того или иного общества, направление и характер происходящих в нем изменений, раскрыть механизмы формирования активности и базовых ценностных ориентиров.

Тогда же в ИСИ АН СССР, ИМРД АН СССР, Институтах философии и экономики АН СССР, АОН при ЦК КПСС и других научных учреждениях были созданы сектора и группы, занимающиеся изучением различных аспектов образа жизни.

Тем не менее в СССР и странах Восточной Европы опыт изучения образа жизни в 1970-е гг. накапливался в основном в социологической литературе, а не в эмпирических исследованиях, которые традиционно проводились в рамках социологии досуга, семьи, быта, образования, общественной жизни, бюджетов времени. Они давали хотя и новые, интересные, но все же фрагментарные сведения о реально складывающемся образе жизни. Идея целостности жизнедеятельности и ее целостного анализа в них просто-напросто терялась, поскольку изучались элементы образа жизни, то есть часть субъекта, включенного в определенные сферы. Правда, можно назвать, по крайней мере, три в целом успешные попытки перехода от изучения отдельных сфер (видов) жизнедеятельности к созданию эмпирически верифицируемых типологий (моделей) образа жизни. Это работы И. В. Бестужева-Лады [Бестужев-Лада 1980], новосибирских социологов Т. И. Заславской, И. В. Рывкиной

[Методология и методика системного изучения советской деревни 1980] и Ж. Т. Тощенко [Тощенко 1980, 1983].

Пожалуй, самая мощная попытка преодолеть инерцию сложившегося подхода была предпринята в ИСИ АН СССР сотрудниками отдела комплексного изучения образа жизни (руководитель И. Т. Левыкин, авторы программы исследования – И. Т. Левыкин, Т. М. Дридзе, Э. А. Орлова, Я. В. Рейзема). Была разработана уникальная методика исследования, решавшая сложные задачи сопряжения в одном документе систем показателей, связанных с анализом деятельности в различных сферах (материальной, общественно-политической, семейно-бытовой, досуговой), а также ценностных структур, уровня и качества жизни (авторы А. А. Возьмитель, Т. М. Дридзе, Ю. К. Иванов). В разработке методики принимали участие М. Е. Позднякова и М. В. Покровская. Консультант – М. Х. Титма).

В АН СССР было принято решение о проведении Всесоюзного исследования «Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни» и создании одноименного исследовательского проекта. По модели многоступенчатой всесоюзной выборки в 29 регионах страны, представляющих восемь союзных республик (Азербайджанскую, Белорусскую, Казахскую, Киргизскую, Латышскую, Молдавскую, Украинскую и РСФСР), было опрошено 10500 человек.

Исследование не имело аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной социологии как по масштабам, так и по полученным результатам. Его данные, раскрывающие многообразные и противоречивые тенденции в повседневной жизни советских людей, докладывались в партийных органах и на Президиуме АН СССР, но долгое время были скрыты от широкой общественности под грифом «ДСП». Эта участь постигла первую же обобщающую публикацию проекта «Советский образ жизни. Состояние, мнения и оценки советских людей» под редакцией И. Т. Левыкина и А. А. Возьмителя [Советский образ жизни... 1984].

В этой работе были поставлены весьма острые для того времени вопросы, связанные с обнаружением ряда противоречий в сознании и поведении людей, между социальными ориентациями и реальными условиями жизни.

Второй замер проекта на базе всесоюзной выборки был осуществлен в 1986–1987 гг. Он выявил разрастание «клубка» проблем и противоречий в советском образе жизни и укоренение тенденций, проявивших себя ранее.

Третий замер в варианте всесоюзного почтового опроса и опроса в г. Москве, осуществленный в 1990 г., зафиксировал начало активного распада советского образа жизни и то маргинальное положение, в котором оказалось подавляющее большинство населения огромной страны [Образ жизни... 1992 и др.].

С помощью этих исследований была создана эмпирическая база изменений в образе жизни, что позволило дать обоснованные и развернутые сценарии (прогнозы) его развития после 1990 г. В 1990 г. нами был спрогнозирован наиболее вероятный вариант социальных изменений в обществе и образе жизни в условиях длительного кризисного развития. Его основные характеристики: общая невысокая мотивация к труду, превращение последнего из сферы давления на работника в сферу давления на органы власти; противостояние различных общественных сил и поиск компромиссов между ними, перераспределение власти между центром и регионами, поляризация ценностных установок, общее запаздывание с решением назревших проблем и перманентное принятие нереальных мер, вспышки насилия и практически общее стремление к их ликвидации, неустойчивое социальное самочувствие. Как нетрудно заметить, все названные параметры действительно оказались достаточно типичными для лихих девяностых.

Долгое время продолжал реализовываться и другой разработанный нами сценарий изменений в обществе и образе жизни – в условиях распада. Причем реализовывался он как бы по спирали: от распада СССР через «созидательное» разрушение, дегуманизацию человеческих связей и отношений, размывание границ между нравственным и безнравственным, ухудшение социального самочувствия, низкую мотивацию к труду, сращивание мафиозных, общественных и государственных структур и т.п. – к социальным потрясениям и новому общенациональному развалу [Возьмитель 1991].

Базовая методика Всесоюзного исследования оказалась чувствительным инструментом анализа социальных изменений. Так,

несмотря на то, что в начале 1980-х Азербайджанская ССР считалась республикой, в которой национальный вопрос снят с повестки дня, по полученным нами данным она возглавляла список регионов по распространенности национальных предрассудков. Представление этих данных на конференции «Идеологические проблемы формирования и развития социалистического образа жизни» в г. Баку в 1984 г. вызвало явно неадекватную, предельно острую реакцию местной научной элиты и партийного актива. Однако Сумгаит вспыхнул уже через три года.

В ряду ведущих исследований образа жизни, завершенных в 1980-е гг., проект «Таганрог-2», в рамках которого проведено комплексное изучение социально-экономических проблем уровня и образа жизни населения типичного для России промышленного центра. Оно позволило получить конкретную, детализированную картину, происходящих в социальной сфере процессов, оценить эффективность осуществленных ранее социальных программ и сформулировать предложения, направленные на повышение результативности социальной политики. В рамках этого исследования была предпринята попытка построения типологий социальных явлений, связанных с социокультурной активностью населения [Народное благосостояние... 1988].

Последним из крупномасштабных исследований образа жизни в нашей стране, венчавшим ее советский период, явился опрос ВЦИОМ по репрезентативной общесоюзной выборке в ноябре 1989 г. (2696 человек), результаты которого легли в основу хорошо известной российскому и зарубежному читателю монографии «Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х», вышедшей под редакцией Ю. А. Левады. Авторам этого разностороннего исследования и книги явно удалось выявить и показать условия формирования и функционирования, а также базовые качества того социально-антропологического типа, каким являлся Homo sovieticus. Однако справедливо говоря о его разложении, они явно поторопились, отводя этому типу место на социальной периферии [Советский простой человек... 1993: 262–264].

Ведь его своеобразная целостность, выявленная нами еще в начале 1980-х гг., органически сочетающая вроде бы несочетаемое (противоположные нормы и ценности), воспроизводилась

в постсоветской России в группах, способных задавать обществу поведенческие образцы: политическая и предпринимательская «элита», фермеры и т.п. [Возьмитель 1997, 1999].

Следует отметить, что в советское время господствовала по сути структурно-функциональная концепция образа жизни, предполагавшая относительно жесткую детерминацию человеческой деятельности социальной системой, в которую человек включен по преимуществу как функция этой системы, а базовые характеристики структурных компонентов целого выводятся непосредственно из него самого. В рамках этой концепции образ жизни рассматривался в двух ипостасях: как нормативно-формационный (социалистический) и как конкретно-исторический (советский, болгарский, венгерский и т.п.).

Первый тип представлял собой сочетание характеристик общественного идеала, выводимых из базовых формационных черт с характеристиками, необходимыми для функционирования и развития всего социалистического социума в определенном «хронотипе». Он задавал основные социальные ориентиры и требования к человеку и его социальному поведению. Так, социалистический образ жизни мыслился как трудовой и коллективистский способ жизнедеятельности, ставящий в центр внимания развитие личности и ее социальной активности, увязывающий воедино интересы общества, коллектива и отдельных людей, воплощающий принципы социального равенства и социальной справедливости, обеспечивающий исторический оптимизм на основе базовых социальных гарантий: труда, безопасности, материального благосостояния, широкого доступа к знаниям и участия в управлении.

Второй тип отражал картину типических, реально складывающихся социальных практик и смыслов повседневного поведения людей в той или иной стране.

Сопоставление нормативно-формационной конструкции с реальностью (веберовское каузальное сведение), вырисовывающейся в результате социологического анализа, давало важную информацию о главных противоречиях и проблемах, преломляющихся в образе жизни людей, что служило основой для разработки рекомендаций по его совершенствованию.

Распад советского образа жизни привел к появлению новой социальной реальности, относительно которой должны были отрабатываться новые научные подходы. Советский образ жизни как бы растворился в тумане неопределенности основных социальных целей, ценностей и норм. Хотелось бы сразу подчеркнуть, исключение из научного оборота определений «советский» и «социалистический» образ жизни, явившееся прямым следствием прекращения холодной войны, распада СССР и социалистического лагеря не привело, да и не могло привести к ликвидации одного из важнейших направлений социологической науки: изучения повседневной жизни людей, которая, как справедливо отмечает А. С. Ципко, является самым наглядным, самым доказательным проявлением существа той или иной социальной системы, самым главным, то есть человеческим результатом ее развития и функционирования [Ципко 1979: 24]. Произошло естественное в сегодняшних условиях сужение научного пространства за счет огромного пласта исследований, обеспечивавших нужды внутренней и внешней пропаганды. Но одновременно резко упал интерес к проблематике образа жизни в целом. Конечно, здесь сыграло роль то обстоятельство, что значительная часть научной «общественности» России имплицитно рассматривала эту категорию в качестве политического феномена, по аналогии с американским образом жизни, защита которого, наряду с защитой народа и территории, традиционно является главной задачей и конституционной обязанностью президента этой страны в деле обеспечения национальной безопасности.

Но основная причина – отсутствие обобщающей социологической концепции, устанавливающей «некоторую закономерность» (В. А. Ядов) трансформации образа жизни. Будучи по сути своей предметом междисциплинарного исследования, проблематика образа жизни не нашла завершенного теоретического воплощения ни в одной из общественных наук.

Образ жизни в России распался как целостность, но конечно же остался в виде реальной общественной потребности. И задача социологов выявить и проанализировать формы ее реализации и объективации. А это означает необходимость анализа и интерпретации реально складывающихся моделей

жизнедеятельности как процесса движения к новой целостности на основе эмпирической информации, отражающей социальную активность их субъектов и приведения этой активности в сопряженное взаимодействие.

Тем не менее, «исчезновение» советского или же какого бы то ни было другого образа жизни свидетельствует о специфичности этой научной категории, ее применимости прежде всего к стабильным, устоявшимся обществам, выработавшим свою национальную и социальную определенность, о ее детерминированности социальным временем. По всей видимости, сегодня можно говорить об американском, японском, китайском и т.п., но только в будущем, – о специфически российском образе жизни, постольку поскольку последний сам по себе должен являть нам не просто устойчивые формы человеческой жизнедеятельности, но типичные для исторически конкретных социальных отношений, раскрывающие и качественно характеризующие данное общественное устройство. В таком понимании специфика российского образа жизни сегодня состоит в его фактическом отсутствии, в конгломерате противостоящих друг другу, нередко антагонистических моделей жизни. Отсюда главная теоретико-методологическая проблема исследования образа жизни сегодня, ставящая многих в тупик, – как изучать то, чего нет в действительности, но что может и должно появиться не в слишком далеком будущем?

Следует признать, что сегодня ни одна из существующих концепций не дает ответа на этот вопрос. В этой связи мы в своем анализе попытались использовать полипарадигмальный подход.

Так, важная для нашего исследования марксистская теория социального воспроизводства и, в частности, известное положение о тождестве жизнедеятельности людей и того, «что они собой представляют» [Маркс, Энгельс. 1955, т. 3: 440], дополнена анализом с точки зрения истины, высказанной еще ветхозаветным автором: «Каковы мысли в душе его (человека), таков и он» [Библия 1995: 617].

Собственно, эта идея была всесторонне рассмотрена и развита М. Вебером в его «понимающей социологии», объектом которой является смысловая связь поведения независимо от

степени ее выраженности [Вебер 1990: 497] и которая помогает нам понять, какой субъективно подразумеваемый смысл связывает личность с другими личностями, на каком основании люди объединяются в группы, ассоциации и т.п.

Поскольку предметом нашего исследования является деятельность человека в определенном социальном контексте, в результате чего возникает упорядоченная реальность повседневной жизни, для нас несомненный интерес представляют: анализ процессов объективации, институционализации и легитимации, осуществленный в рамках социологии знания [Бергер, Лукман 1995]; мысли А. Шюца о повседневности, необходимость восстановления связи абстрактных научных понятий с «жизненным миром» [Shutz, Lucman 1973, Shutz 1981], идеи Э. Гидденса о предмете социальных наук, которым является не индивидуальный опыт и не существование какой-либо социальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени [Giddens 1984]; концепция Ю. Хабермаса о диалектике взаимоотношений «жизненного мира» и социальных систем [Habermas 1981].

И конечно же для нас очень важны мысли В. А. Ядова об опорных эпистемологических категориях, с помощью которых можно преодолеть разрыв «между объективистами и субъективистами», макро-системниками и исследователями-интерпретаторами *everyday life*: «дуальность структур и деятельных агентов»; «ситуативно-обусловленное конструирование социальной реальности действующими субъектами»; «реально бытующие практики социального действия» и, наконец, категория «социальный контекст» как целостность условий, обстоятельств, предметного (природного и созданного человеком) наполнения пространства и времени действий агентов» [Ядов 2018: 396].

Ситуация с наработками западных коллег, реализующихся в эмпирических исследованиях, гораздо сложнее, поскольку и сегодня наша социальная реальность чаще всего не поддается не только объяснению, но и описанию с позиций используемых ими концепций и методик [Mitchell 1983: 4–26; Georg, Werner 1998: 130–134 и др.]. Да и не ставят они пока целей познания процесса становления, укрепления деформации и распада образа

жизни, рассматривая его западные варианты в качестве моделей, «профили» которых могут различаться при устойчивости базовых черт.

«Модернизационный» прорыв советского образа жизни, преобразование моностилистической культуры в полистилистическую, диверсификация образа жизни, становление его принципиально новых форм и субъектов сформировали запрос на концепцию, объясняющую происходящие изменения, на адекватное научное понимание процесса разложения и распада, становления и укрепления образа жизни; самого этого понятия, а также системы взаимосвязанных с ним категорий.

Концепцию, которая являлась бы ключом к пониманию социальных процессов, происходящих в обществе на макро- и микроуровне; к выявлению доминант, альтернатив и складывающегося вектора общественного развития страны, двигающейся пока еще из неведомо что в неведомо куда. Мы полагаем, что сущность исследуемого транзита может быть лучше всего понята, исходя из антропологических особенностей, из определенного сочетания моделей жизнедеятельности людей, их жизненных миров, как конгломерата или определенной системы значимых социальных практик, формирующих, отражающих и выражающих наши базовые мотивы, предпочтения и вкусы в отношении предметов, ценностей и людей.

С учетом всех перечисленных экспектаций к разрабатываемой концепции, можно определить ее тип: динамическая, процессуальная, субъектно-деятельностная концепция образа жизни, основные принципы которой можно сформулировать следующим образом:

1. Именно различия в повседневной жизнедеятельности людей, а не их принадлежность к той или иной во многом формальной социостатусной группе – суть главные критерии дифференциации и типологизации образа жизни, а также вычленения его субъектов. Нетрудно заметить, что здесь меняется логика анализа. Если обычно в социологических исследованиях сначала ставится вопрос «кто действует?», а затем – «как, каким образом действует?», мы акцентируем внимание на моделях жизнедеятельности, на анализе распространенности тех или

иных способов самоорганизации жизни, которые только потом идентифицируются с социальными носителями. Такой подход позволяет выйти за рамки традиционных стратификационных представлений, учесть как старые, так и новые элементы сознания и поведения людей, интегрирующие в особые повседневные социальные практики, представляющие собой разновидности жизненных миров: специфические образцы восприятия и отношения к миру, возникающие на основе способов производства своей жизни, определенной трудовой мотивации, направленной на достижение своеобразных социальных и социально-экономических целей.

2. В центре субъектно-деятельностного подхода личность, действующая в разных масштабах своей жизни, которая именно в результате определенной целенаправленной деятельности приобретает статус субъекта и относится нами к тому или иному социальному или социально-психологическому типу, продуцирующему и производящему вполне определенные типы (модели) повседневной жизни.

Согласно же марксистской традиции, социальные качества личности порождаются способами производства своего материального бытия: способами труда, производства предметов своего существования, которые являются не только и не столько способами воспроизводства физического состояния индивидов, сколько основными способами реализации и выражения жизни, предполагающими определенные особенности личности, соответствующие тому, что, в какой форме, для чего и как она производит. Это общий методологический принцип, применяемый нами для определения личностей определенных типов (социальных и социально-психологических), «производящих» различные жизненные миры (способы и стили жизни), в том числе альтернативные по своему характеру.

Идентификация этих типов осуществляется посредством определения того субъективного смысла, который актор вкладывает в свою деятельность; посредством выделения субъекта деятельности по мотивационно-деятельностным характеристикам, отражающим современные базовые установки личности в процессе производства своего материального бытия

и определяющих стратегическое поведение личности в жизни (выбор жизненного пути, характера или сферы деятельности).

3. Образ жизни не есть нечто статичное. Это процесс, как сознательный, так и стихийный. Сознательный в том, что люди сами выбирают модели жизнедеятельности, а то и творят их. Стихийный – поскольку результат «борьбы» этих моделей далеко не всегда предсказуем. Взаимодействуя между собой, образуя устойчивые сочетания конкретных типов повседневной жизнедеятельности, они формируют доминантные, эмпирически фиксируемые черты личности, семьи, мотивации, труда, образцы самоидентификации, восприятия и отношения к миру, из которых выкристаллизовывается реальный образ жизни общества в целом.

Для описания и объяснения этой логики социального взаимодействия в научный оборот введена система категорий, отражающих, интегративные и дезинтегративные процессы в жизнедеятельности людей, ее статику и динамику. Система эта состоит из узнаваемых, но далеко не тождественных понятий: образ, способ и стиль жизни, которые нередко употребляются как синонимы, хотя таковыми в действительности не являются. Их соотношение практически не освещено в научной литературе, и они до нас прежде не рассматривались в качестве системной триады переходящих друг в друга категорий, отражающих диалектику объективного и субъективного, общего, особенного и единичного, позволяющих моделировать образ жизни не только как функционирующую, но и как изменяющуюся систему.

В таком понимании образ жизни, являясь строго научной, а не идеологической или же общежитейской конструкцией, возникает в результате взаимодействия (а нередко и «борьбы») доминирующих способов и стилей жизни, продуцируемых личностями определенных социальных типов, повседневная жизнедеятельность которых является исходным элементом собственно социологического анализа. В рамках разработанной концепции дано строгое разграничение и развернутые определения понятий образ, способ и стиль жизни.

Итак, образ жизни – это устойчивые формы социального бытия, совместной деятельности людей, типичные для исторически конкретных социальных отношений, формирующиеся

в соответствии с генерализованными нормами и ценностями, отражающими эти отношения. Он возникает в результате реализации и последующей объективации тех или иных многообразных способов и (или) стилей жизни, появления модальной личности, воспроизводящей определенное отношение к миру, характерное для доминирующих моделей жизнедеятельности и консолидирующее основные сегменты социального пространства.

Наиболее общие черты образа жизни являются типичными для общества в целом. Именно они, несмотря на значительную дифференциацию по способам и стилям жизни, маркируют отличие одной цивилизации от другой. И в этом смысле речь ведется о социалистическом и буржуазном, христианском и мусульманском, американском и советском образе жизни.

Как показывает исторический опыт, образ жизни детерминирован социальным временем и характерен для обществ, выработавших свою социальную и (или) национальную, шире – цивилизационную определенность. Строго говоря, он не является объектом свободного личностного выбора, а выступает в виде более или менее ограниченной совокупности возможностей социальной адаптации, задающих и формирующих базовые типы жизнедеятельности в процессе социализации. Поэтому его функция – скорее организация, упорядочение, нежели самоорганизация жизни.

В условиях кризиса социальной системы, приводящего к разрушению устойчивых генерализованных связей, скрепляющих общество, распадается и представляет собой мозаику альтернативных способов и стилей жизни, каждый из которых «борется» за приоритетность своего социального качества.

Изучение образа жизни обычно направлено прежде всего на выделение общих черт и прослеживание интегративных тенденций в жизнедеятельности членов общества.

Способ жизни отражает и выражает тип жизнедеятельности, складывающийся как под влиянием объективных условий, так и внутренних побудительных сил. Как самостоятельная научная категория, не тождественная образу жизни, введен в научный оборот К. А. Абульхановой-Славской: «Суть этого

определения в выборе условий, направления жизни, выборе того образования, той профессии, которые максимально отвечали бы особенностям его личности, его желаниям, его способностям в построении соответствующей стратегии жизни» [Абульханова-Славская 1996: 7]. Он показывает, какие именно возможности, заложенные в образе жизни и его объективных условиях, реализуются в жизнедеятельности людей и в какой форме. Это главное звено превращения социальных возможностей в действительность. Именно поэтому в нашем понимании он всегда соотносим с реальной социальной ситуацией и определяется характером взаимодействия с ней. И в этом смысле является не только способом поддержания, воспроизводства, но также изменения социальных отношений; не только способом включения в социальную структуру, но важным фактором ее динамики, поскольку взаимодействие с социальной ситуацией предполагает субъектность, целенаправленную активность: выбор профессии, рода занятий, места жительства и т.п. на основе осознания своих особых интересов и имеющихся альтернатив.

Однако способы жизни характеризуют не просто специфические черты жизнедеятельности людей, но определенные системы своеобразных, конкретных, качественно отличных друг от друга, нередко альтернативных жизнепроявлений: типичные пути социального самоопределения, проявляющиеся в повседневной активности людей. Именно в этом плане мы говорим, наряду с городским и сельским, о предпринимательском, крестьянском и фермерском и т.п. способах жизни.

В свою очередь, в ситуациях реального плюрализма норм, ценностей, форм социально-экономической адаптации и самоидентификации неизбежно происходит диверсификация способов жизни, формирование личностей и групп, жизнь которых в силу различий в конкретных жизненных ситуациях, флуктуации внешних и (или) внутренних условий, начинает отличаться (порой значительно) от той, что сложилась в общностях более высокого порядка. Такие особые, сознательно избираемые или продуцируемые способы самоорганизации повседневной жизни, присущие, как правило, близким социальным субъектам (социально-психологическим типам), производящим свое материальное бытие в одной и той

же форме (например, индивидуальной) но, преследующим при этом разнопорядковые интересы и цели, мы называем стилями жизни. Это личностное самоопределение в рамках социального, осуществляемое в результате взаимодействия человека с жизненной ситуацией, в процессе его самоидентификации и самодифференциации в микросреде.

Говоря более конкретно, стиль жизни характеризует лишь та часть повседневного поведения, ценностных ориентаций и создаваемой самим человеком среды обитания (жилище, вещи и т.п.), которая, с одной стороны, способствует его идентификации с определенной группой (ее образом), а с другой – выделяет (отличает) ту или иную группу среди других человеческих групп. Стиль жизни, следовательно, субкультурное понятие, характеризующее микросреду и ее особенности, реализуемые в определенной форме в деятельности людей.

Стиль жизни оказывается слабо связанным со способом жизни в тех случаях, когда он формируется вне трудовой деятельности, в свободное время. Именно туда смещается и там ощущается подлинность бытия, именно там человек реализует (или пытается реализовать) себя как профессионал, мастер и т.п., будь то увлечение искусством, литературой, коллекционированием, любовными приключениями, охотой, рыбалкой, туризмом и т.д. Сегодня не редкость, когда это «замещение» становится основной трудовой деятельностью.

В стилях и способах жизни находят свое практическое выражение активность и направленность личности – устойчивая доминирующая система деятельности, интересов, мотивов, убеждений, идеалов, вкусов и т.п. Это особые структурные состояния системы образа жизни (репродуцированная социальная практика по Э. Гидденсу), представляющие собой потенциальную социальную структуру. В сегодняшней ситуации внутри них нередко разрабатываются новые стандарты (самонормирование), возникают новые социальные эталоны и культурные образцы, фиксирующие накопленный социальный опыт на основе освоения неведомых ранее форм и способов деятельности.

Итак, образ, способ и стиль жизни различаются как по объему (широте) отражающих ими явлений и процессов, так и по

их характеру (общественные, социальные, социально-психологические); по своим социальным функциям (социализация, социальное и личностное самоопределение) и субъекту (модальный тип личности, личности определенных социальных и социально-психологических типов). Вместе с тем надо обратить внимание еще на один аспект анализа: образ и стиль жизни могут выступать и реально выступают в качестве противоположностей. Образ жизни выражает существенную для данного общества связь, проявляющуюся в «доминантной форме интеграции», способах организации и функционирования совместной жизнедеятельности. Стили же жизни в силу своей относительной автономности, независимости от социально-экономических и социально-политических условий нередко являются носителями и выразителями другой существенной связи и в этом смысле являются главным источником изменений в образе жизни.

Это разные полюса анализа, которые не должны рассматриваться отдельно или в качестве слабо связанных компонентов единой системы, а только как диалектически взаимосвязанные, реализующиеся через свое другое (способ жизни) и на его основе. Таким образом, способы жизни выступают не просто в качестве звена, опосредующего отношение образа и стилей жизни, но как их объединяющее начало. А процесс познания сущности образа жизни (от анализа стилей к способам жизни, а от них к складывающейся характеристике образа жизни как единства в многообразии) совпадает с общим направлением процесса познания от изучения единичного к обнаружению особенного и раскрытию общего.

Сегодня, когда появилось реальное многообразие форм жизнедеятельности, вряд ли целесообразно для их обозначения и анализа пользоваться лишь одним многозначным, по преимуществу литературно-художественным и научно-публицистическим понятием «образ жизни», которое было введено в научный оборот для подчеркивания не столько целостности, сколько единообразия, общности социальных процессов, когда их индивидуализация и разнообразие всячески игнорировались и третировались.

«Поле» образа жизни – общество в целом. Социологическое же изучение многообразия и изменений в повседневной жизни

целесообразно, на наш взгляд, вести на уровне стилей и способов жизни, где действуют конкретные социальные субъекты, «проклеиваются» различные альтернативы общественного развития, где крепнет солидарность и прорастает конфликтность. А следовательно, именно социологическое изучение личностей определенных типов становится основанием для определения общих для них черт жизнедеятельности, являющихся как специфическими по отношению к образу жизни общества в целом, так и генерализованными в зависимости от характеристик складывающейся социально-политической и социально-экономической ситуации.

Следует отметить естественность рассматриваемых категорий в целях анализа альтернатив общественного развития: все они изначально выступают как парные, сравнительные, имеющие различные полюса притяжения: образ жизни буржуазный и социалистический; способы жизни элиты и масс, в городе и на селе; стили жизни активно-деятельный и пассивно-потребительский и т.п.

Введение в научный оборот триады образ, способ и стиль жизни позволяет обеспечить проблемно-тематическую целостность огромного пласта исследований повседневной жизни, нащупать объяснения происходящих процессов и ответить на актуальные теоретико-познавательные задачи, связанные с анализом взаимодействия «жизненных миров» и системы.

Как следует из представленной концепции, социологическое изучение стилей и способов жизни, а также характеристик реально складывающегося образа жизни осуществляется с помощью анализа деятельности субъектов в определенных ситуациях: социетальной, социальной и жизненной.

Ситуация, в рассматриваемом нами контексте, – особая констелляция условий, формирующая определенную типичность человеческих судеб со схожими проблемами, восприятием своего жизненного мира и отношением к нему, детерминирующая тот или иной характер активности субъекта.

При анализе ситуации следует учитывать:

- объективные условия – экономические, социальные, культурные, экологические;

– субъективные условия – различные состояния сознания людей, их восприятие окружающей действительности и отношение к ней, потребности, интересы, ценности, мотивы, цели, социальные установки и т.п., характеризующие жизненную позицию человека.

Различные ситуации складываются в результате взаимодействия объективных условий и деятельности определенных социальных субъектов.

Социетальная ситуация используется для анализа образа жизни на уровне общества в целом, для выяснения его состояния, базовых доминантных черт и основных тенденций развития. Конструируется из экономической, политической, социальной, культурной, демографической, экологической ситуаций, в каждой из которых действуют свои субъекты жизнедеятельности.

Социальная ситуация используется для анализа способов жизни людей, принадлежащих к одной территориальной общности, типу поселения, а также формирующихся в различных сферах трудовой деятельности.

Жизненная ситуация используется для анализа стилей жизни на уровне взаимодействия личностей определенных социально-психологических типов с их непосредственными условиями жизнедеятельности.

В рамках анализа ситуации каждого типа (социетальной, социальной, жизненной) подбираются соответствующие массивы данных, характеризующие объективные и субъективные условия жизни людей. На этой основе идет разработка конкретных показателей и методических приемов эмпирического социологического исследования, предназначенных прежде всего для выявления механизмов взаимодействия людей с определенными условиями и способов решения ими актуальных проблем.

Таким образом, ситуация, входя в язык описания объекта, выступая средством его анализа, а также отражая реальные обстоятельства жизнедеятельности субъекта, – обладает как категориальным, так и онтологическим статусом.

Важными показателями анализа выступают личностные смыслы, придаваемые людьми определенным ситуациям;

разносторонние оценки этих ситуаций, входящих в них объективных условий, включая удовлетворенность различными их сторонами и ситуацией в целом; отношение к субъектам ситуации, направленности и функциям их деятельности и т.п. Именно в таком ключе анализировалась нами современная социально-политическая ситуация в России [Возьмитель 2015, 2016].

Основные положения изложенной выше динамической, субъектно-деятельностной концепции разработаны и апробированы в процессе подготовки, проведения и осмысления эмпирических исследований фермеров и работников коллективных сельскохозяйственных предприятий; представителей малого и среднего бизнеса, а также в ходе анализа изменений, произошедших в образе жизни россиян в постсоветский период [Возьмитель, 1997, 2002, 2012]. Предметом исследования в рамках этой концепции выступают типичные формы повседневного поведения людей, способы организации и самоорганизации ими своей жизни в конкретных пространственно-временных социальных условиях в соответствии с определенными ценностными ориентирами.

В ходе реконструкции исследуемого явления был прослежен процесс становления объективных социальных феноменов на основе субъективного опыта; от личностных субъективных его значений до высокогенерализованных, интерсубъективно обоснованных конструкций, содержащих эти значения в преобразованном, «снятом» виде.

В созданной концепции четко проведена идея целостности жизнедеятельности и ее целостного анализа, а разработанные категории выступают как диалектически взаимосвязанные, взаимопереходящие друг в друга. Соответственно процесс познания сущности образа жизни (от анализа стилей к способам жизни, а от них к складывающейся характеристике образа жизни как единства многообразия) совпадает с общим процессом познания от изучения единичного к обнаружению особенного и раскрытию общего. Это научный анализ моделей образа жизни, осваивающих наличное социальное пространство и содержащих в себе его будущее состояние. Увы, оно пока даже не проступает ввиду неопределенности базовых социальных целей, отсутствия

национального идеала или хотя бы объединяющей всех национальной идеи.

Восходя от стилей к способам, а от них к образу жизни мы воспроизводим состояние этого феномена как бы в разрезе его базовых черт, присущих или не присущих его субъектам разного уровня и типа; отслеживаем новации в мотивациях, ценностных ориентациях и социальном поведении людей, выявляем важнейшие социальные проблемы, депривации, конфликты, тенденции развития как отдельных групп моделей образа жизни, так и всей его конструкции в целом. Такой анализ позволяет определить параметры социологически обоснованной модели цивилизованного развития России, обеспечивающей каждому человеку свободу выбора жизненного пути, защищенность и безопасность, равные возможности достижения материального благополучия на основе реализации принципа социальной справедливости.

Список литературы

- Абульханова-Славская К. А. 1991. Стратегия жизни. М.: Мысль. 299 с.
- Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум. 323 с.
- Бестужев-Лада И. В. 1980. Опыт типологии социальных показателей образа жизни // Социологические исследования. № 2. С. 3–9.
- Бестужев-Лада И. В. 1983. Содержание, структура и типология образов жизни // Социальная структура социалистического общества и всестороннее развитие личности / Под ред. Л. П. Бугеовой. М.: Наука. С. 82–96.
- Библия. 1995. М.: Библейские общества. 1346 с.
- Вебер М. 1990. Избранные произведения. Пер. с нем. / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс. 808 с.
- Возьмитель А. А. 1991. Образ жизни: от старого подхода к новому // Социально-политические науки. № 1. С. 85–91.
- Возьмитель А. А. 1997. Способы бизнеса и способы жизни российских предпринимателей. Москва.: Институт социологии РАН. 253 с.

- Возьмитель А. А.* 2002. Диверсификация образа жизни (Способы и стили жизни в постсоветском социальном пространстве) // Мир России. Социология, этнология. № 1. С. 97–113.
- Возьмитель А. А.* 2012. Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М.: Институт социологии РАН. 230 с.
- Возьмитель А. А.* 2015. Рейтинги и их социологический анализ // Власть. № 8. С. 44–51.
- Возьмитель А. А.* 2016. Социальное неравенство и его риски в советской и постсоветской России // Власть. № 8. С. 5–13.
- Маркс К, Энгельс Ф.* 1955. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. М.: Госполитиздат. 629 с.
- Методология и методика системного изучения советской деревни «1980» / Отв. ред. Т. И. Заславская, И. В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 394 с.
- Народное благосостояние: методология и методика исследования / Отв. ред. Н. М. Римашевская, Л. А. Оников. М.: Наука, 1988.
- Образ жизни в условиях перестройки / Под ред. А. А. Возьмителя. М.: Институт социологии РАН, 1992. 172 с.
- Образ жизни и состояние массового сознания / Под ред. А. А. Возьмителя. М.: Институт социологии РАН, 1992. 132 с.
- Образ жизни. Теоретические и методологические проблемы социально-психологического исследования / Под. ред. Л. В. Сохань, В. А. Тихонович. Киев: Наукова думка, 1980.
- Советский образ жизни. Состояние, мнения и оценки советских людей / Под. ред. И. Т. Левыкина и А. А. Возьмителя. М.: ИСИ АН СССР, 1984. 164 с.
- Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. / Под ред. Ю. А. Левады. М.: Мировой океан, 1993. 300 с.
- Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни. Вопросы методологии и методов исследования / Отв. ред. И. Т. Левыкин. М.: ИСИ АН СССР, 1980. 197 с.
- Тощенко Ж. Т.* 1983. Идеология и жизнь. М.: Советская Россия. 192 с.
- Тощенко Ж. Т.* 1980. Социальное планирование в СССР. М.: Политиздат. 320 с.

- Ципко А. С. 1979. Философский смысл проблемы образа жизни // Проблемы методологии исследования образа жизни в социалистических странах / Под ред. З. Суфина и А. Ципко. Варшава: Институт основных проблем марксизма-ленинизма ЦК ПОРП, Институт философии и социологии ПАН. С. 10–35.
- Ядов В. А. 1983. Социологический подход к исследованию личности в системе понятий образа жизни // Вопросы философии. № 12.
- Ядов В. А. 2018. Социология Ядова: Методологический разговор: М.: ФНИСЦ РАН, Новый хронограф. 954 с.
- Georg W. Soziale Lage und Lebensstil. Eine Typologie. 1998. «Leske + Budrich», Opladen. P. 130–134.
- Giddens A. 1984. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Berklay and Los Angeles: University of California Press. 417 p.
- Habermas J. 1981. Theorie des kommunikativen Handelns, Baende I–II. Frankfurt/Main.
- Mitchell A. 1983. The nine American lifestyles. Who we are and where we're going. N. Y.: Macmillan. P. 4–26.
- Schutz A. 1981. Theorie der Lebensformen. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 341 p.
- Schutz A., Luckmann T. 1973. The Structures of the Life- World. Vol. 1. Northwestern University Press.